Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
http://orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIX • 2026 • № 3

Выходит 4 раза в год
Издается с 1986 г.
Учредитель: ФГБУН
Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря, кандидат исторических наук (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук (Монголия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук (Монголия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева
Литературные редакторы и корректоры – И. В. Кульганек, Д. А. Носов
Технический редактор – М. А. Козинцев
Подписано в печать 15.09.2026
Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Объем 10 печ. л. Заказ №
Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».
Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, лит. А, офис 14.
e-mail: info@litobook.ru

ISSN 2311-5939

DOI

12+

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2026
© Коллектив авторов, 2026

В НОМЕРЕ:

К 60-летнему юбилею венгерского монголоведа Агнеш Бирталан 5

ФИЛОЛОГИЯ

И. А. Алимов. «Дун цзин мэн хуа лу»: Ночной рынок 8

С. Мөнхсайхан. Дундад үеийн монгол хэлний гийгүүлэгч авианы зарим онцлог 14

В. З. Церенов. Горы Богдо в Прикаспийской низменности (варианты одной легенды) 21

ИСТОРИОГРАФИЯ

Э. Гансүх. "Хошуу Наадам" Зургийн Хурдан Морины Шинжийг Судрын Шинжтэй Харьцуулсан Судалгаа 26

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А. М. Мокеев, К. Белек. Н. Абдимиталип уулу. Истоки философии сострадания Асана Кайгы 37

М. В. Фионин. Рукописный перевод М. М. Елизаровой «Завещания Авраама»: текстологическая база и переводческая стратегия 47

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. А. Козинцев, И. В. Кульганек. VI Международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» (Санкт-Петербург, 16 марта 2026 г.) 64

ПЕРЕВОДЫ

Р. В. Ивлева. *Сэнгийн Эрдэнэ*. Дзанабадзар (перевод с монгольского, примечания) 71

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIX • 2026 • No. 3

The journal is published four times a year.
Published since 1986
Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*

G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*
A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*
S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*
L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*
V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*
E. E. Khabunova, *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*
E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*
S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*
R. Pop. *Ph. D., Romania*
Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*
T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

191181. Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18

Phone: +7 (812) 315-87-28
http://orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/phak-vbt6-avex

© Institute of Oriental Manuscripts (Asiatic Museum), Russian Academy of Sciences, 2026
© Group of authors, 2026

IN THIS ISSUE:

On the 60th Anniversary of Ágnes Birtalan 5

PHILOLOGY

Igor A. Alimov. "Dong Jing Meng Hua Lu": The Night Market 8

Serjee Munkhsaikhan. Phonetic Features of Middle Mongolian Consonants: Evidence from Chinese-Transcribed Records 14

Vasiliy Z. Tserenov. Bogdo Mountains in the Caspian Lowland (Variants of a Legend) 21

HISTORIOGRAPHY

Gansukh Enkhtaivan. "The Hoshuu Festival". A Study Comparing the Characteristics of Racehorses in the Painting 26

RELATED DISCIPLINES

Anvarbek M. Mokeev, Kayrat Belek, Nursultan Abdimitalip uulu. The Origins of Asan Kaighy's Philosophy of Compassion 37

Maxim V. Fionin. Margarita M. Elizarova's Manuscript Translation of "The Testament of Abraham": Textual Basis and Translation Strategy 47

ACADEMIC LIFE

Mark A. Kozintcev, Irina V. Kulganek. The Sixth International Academic Conference "The Turko-Mongol World: Past and Present" (St. Petersburg, March 16, 2026) 64

TRANSLATIONS

Regina V. Ivleva. *Sengiin Erdene*. Dsanabadsar (translation from Mongolian, notes) 71

УДК 821.511
DOI 10.48612/IVRRAN/evun-8x53-kx82

Р. В. Ивлева
Санкт-Петербургский государственный университет

Сэнгийн Эрдэнэ
ДЗАНАБАДЗАР
(перевод с монгольского, примечания)

Публикация является продолжением перевода романа С. Эрдэнэ «Дзанабадзар», посвященного монгольскому буддийскому лидеру XVII в., гениальному скульптору и художнику, создателю письменности соёмбо, оказавшему огромное влияния на монгольскую культуру — *Гомбодоржийн Данабадзару*. В первой главе романа автор знакомит читателя с юными годами главного героя, представляет основные психологические черты его характера, раскрывает чувства, переживания, надежды и устремления молодого человека; большое внимание уделяет описанию историко-культурных традиций и религиозной ситуации Монголии XVII в., воссозданию масштабной панорамы, на которой разворачиваются дальнейшие события. Во второй главе сюжет романа усложняется, в нем появляются запутанные, неожиданные повороты, захватывающие моменты. Повествование становится более динамичным и драматичным. Как и в первой главе, автор подробно рассматривает и анализирует исторический контекст происходящих событий, погружая читателя в социальную, культурную, языковую и политическую конкретику эпохи, на фоне которой действуют персонажи романа.

Ключевые слова: современная монгольская литература, буддизм, Монголия, Тибет, Лхаса, буддийское изобразительное искусство.

Об авторе: Ивлева Регина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург) (regina_i@list.ru).

© Ивлева Р. В., 2026

Глава вторая
Во главе раздоров – кровь

О, это была бескрайняя широкая степь, впитавшая в себя кровь и пот людской, где появился монгольский род и образовалось государство, где миновали, сменяя друг друга множество периодов. Эта была земля, твердая, как камень, и мягкая, как пух. Со времен легендарной Алан-Гоа[1] монголы живут на берегах священных Тулы, Онона и Керулена. Их можно назвать монголами трех рек. Но было и время, когда поставив ногу в стремя коня, они устремлялись вдаль. Как много лет прошло в долинах этих рек, от деревянного стремени до железного. А когда поставили ногу в железное стремя, достигли и Алтая, и Хангая. Тогда родилось в них желание увидеть необъятный мир. И поскакали они, внезапно нападая, беспощадно размахивая стальными мечами, водрузив стяг, поставив ногу в железное стремя. Великий Чингис-хан, свирепый муж с желтыми глазами барса, возглавил монголов, живущих в войлочных юртах и протянул дорогу крови. В это время Великий шаман — Владыка драконов трех рек, обладающий чудесной силой и подчинивший себе всех духов святых, имевший выше себя только небо, бил в бубен и камлал:

Питающиеся человеческим мясом
Обладающие бронзовыми сердцами

Обладающие бронзовыми сердцами, беспощадные и бессердечные, взяли в руки меч. И

[1] Алан-Гоа — легендарная прародительница монгольских правителей, считается родоначальницей Золотого рода чингисидов, праматерью Чингис-хана. Образ имеет мифологические и исторические элементы.

ослабли, смывая кровь, свою и чужую, водами трех рек. И может быть, когда скакуны с Онона и Керулена пили солёные воды восточного Желтого моря и западного Адриатического моря, встряхивая уставшие от дальних походов тела, их подернутым туманом грусти глазах представлялась чистая пресная вода Онона и Керулена. Но они устали смывать людскую кровь. Они смотрели с тоской в туманные очертания родины, где в великой державе неисчислимых воинов, прошедших от края до края великую Азию и ухватившихся за ось Европы, потомки монголов рассыпались, как крупа. Страдания и заблуждения переходили из одного поколения в другое, и веревка, привязанная к ивам трех рек, постепенно рвалась. Прошла, отшумев, буря времени. Но не погибли потомки монголов, и продолжали сохранять огонь очага на реках Онона, Керулена и Толы. Великая держава, возникшая на острие сабли, развалилась и с мечом охраняла свои очаги. Бывало, что оружие мирной защиты превращается в оружие военного кровопролития. Но бывали и времена, когда монгольский народ мирно пас свой скот в безлюдных степях и пустынях среди голубых долин Онона и Керулена. Действительно, чего только не приходится видеть человеку на протяжении жизни. Лежат спокойно монгольские младенцы в овчиной колыбели, посасывают овечий курдюк. Благоухающий полынью ветер колышет войлочную дверь, поют птицы. И вдруг, откуда ни возьмись, раздается стук копыт и звон скрещивающихся железных мечей.

В год синего коня в самом конце Цаган сара часть монголов, отошедшая от Монголии в силу раздоров Великой империи, часть золотых потомков Чингис-хана, последовавшие за Тумэнхэн Цогто-хунтайджи — подданные Сунгэрэла-тайджи, более ста семей, остановились около Кукунора[2] и проводили весну в долине Улан-балгас. Близкие родственники Сунгэрэла, адъютанты, личная охрана — всего около десяти юрт — образовали один айл[3]. Вообще, в последние двадцать лет они расселялись по десять семей, сообща пасли скот, состоящий в основном из верблюдов и немногочисленных овец. Мужчины, образовав сотни и десятки, держали наготове коней и оружие. После войны между красношапочниками[4] и желтошапочниками[5] кто-то из халхасцев — сторонников Лигдена[6] и Цогто — в панике бежали, кто-то сражался за нутак[7].

Братья и родственники страдали в разлуке. Но время раздоров прошло. Сунгэрэловцы снова собрались и живут вместе одной семьей уже двадцать с лишним лет. Были слухи, что ойратский Гуши-хан Туру-Байху[8], почти под корень уничтоживший семью Цогто-хунтайджия, последовал закону милосердия под нажимом Далай-ламы, выбрал хорошее кочевье и отдал во владение потомкам Цогто. Такой был добродетельный указ. Однако, они то в полной мере испытали на себе, как в один день исчезают, не спросив, чья бы ни была добродетель, чье бы ни было прощение, если мужчина не приучен к оружию убийств и боевому скакуну. Тем не менее, двадцать с лишним лет новорожденные младенцы, сосущие в овчиной колыбели бараний курдюк, не просыпались в испуге от стука мечей. Мальчики стали мужчинам, а девочки женщинами, готовыми стать женами. Одна из них — девушка Амина.

В конце Цаган сара года коня в долину Улан-балгас пришла оттепель. Пробивается травка. По склону гор движутся мышастые кони, а вершины затянула тонкая голубая дым-

[2] Кукунор — самое крупное высокогорное бессточное солёное озеро на территории современного Китая, на Тибетском плато на высоте более 3200 м.

[3] Айл — (*монг.* айл), группа юрт, объединяющая, как правило одну семью.

[4] Красношапочники — представители старых школ тибетского буддизма — Карма Кагью, Сакья и Ньинга, чьи монахи традиционно носят во время ритуалов головные уборы красного цвета.

[5] Желтошапочники — последователи школы Гелуг, крупнейшего и наиболее влиятельного направления в тибетском буддизме, основанного в XV в. реформатором Дзонхавой (1357–1419), который утвердил для лам одежду желто-красного цвета и шапки желтого цвета, благодаря чему его последователи получили название желтошапочников.

[6] Лигден — Лигден-хан (1588 или 1592–1634) — прямой потомок Чингис-хана, монгольский хан из династии Северной Юани.

[7] Нутак — (*монг.* нутаг), родное кочевье, территория.

[8] Гуши-хан — Туру-Байху (Торубайху) — ойратский хан племени хошутов, четвертый сын хошутского князя Хан-Нойон-Хонгора. Потомок Хасара, брата Чингис-хана.

ка. Все живое развернулось. Весна — счастливое время года для монголов-кочевников. Говорят, если скот благополучно перезимует и встретит весну, все остальное — в воле будды и закона времени. Казалось, и Сунгэрэлу-тайджи Цаган сар года Синей лошади принес весну радости. Обращаясь на юг, они молились Далай-ламе, на север — Халхе.

Амина проснулась с рассветом в маленькой юрте, называемой детской. С раннего детства она привыкла вставать очень рано. Ее мама рассказывала, что еще малюткой, проснувшись с восходом солнца, она своими крошечными ручками играла с солнечным лучом, проникающим через тоно[9]. Интересно, что ее называли «девочка, просыпающаяся с солнцем». Ее девичья коса уже давно отрезана и хранится в уголке подушки, завязанная в шелковый лоскуток. Каждый раз, просыпаясь вместе с солнцем, она смотрела на небо через дымоход, охваченная тайным и устремленным вдаль желанием. В это утро небо было чистым, пели жаворонки. Амина взяла с низенького столика перед кроватью воду в чайнике с латунной крышкой, сполоснула рот, вытерла глаза влажным полотенцем. Окончательно проснувшись, она прилегла, смотря на небо через светлеющее тоно, прислушиваясь к доносящимся извне звукам. Послышались тихие мамины шаги. Ей уже за пятьдесят, но походка неспешная и легкая, спина, как в молодости, прямая. Обычно по утрам она молится, обходя малую и большую юрты с изображением Абиды Будды[10] — защитника от угроз и опасностей. Она верит, что Амида Будда устраняет их. Амина тоже в это верит. Хотя мама ступает беззвучно, но хранящиеся в ее душе трогательные слова молитвы проникают в душу дочери.

Амина лежала обнаженная под теплым мягким собольим одеялом, положив прохладные ладони на горячие бедра. Она глубоко вздохнула и потянулась. Ворсинки одеяла щекотали соски ее упругой груди. В последнее время Амина стала ощущать свою красоту и стройность, особенно, когда лежала обнаженной, потягивалась и гладила себя. Что это? Раньше не замечала в себе радости от красоты и стройности своего тела. Но сейчас она чувствует, что тело ее — тайное волшебство, способное словно магнитом привлечь взгляд мужчины и отдать себя безвозвратно в его руки. Соски жгло от каждого прикосновения ворсинок одеяла, кровь, как молния, бросилась в лицо. Она ногой откинула одеяло и перевернулась на стеганом войлочном тюфяке с шелковым покрывалом. Амина не понимала, что происходит с ее испуганным, вдруг пробудившимся телом. Очевидно, настало время, когда в девушке просыпается желание по мужским сильным рукам. Но о ком она тоскует? Четыре года прошло с тех пор, как у них по пути в Тибет останавливался Ундур-гэгэн Дзанабадзар. В то время грудь Амины еще только формировалась. Но на Дзанабадзара она тогда впервые посмотрела глазами не девочки, а женщины. Амина не смогла его забыть. Она не думала о нем постоянно, но когда тело её давало о себе знать, Амина мечтала о встрече с Дзанабадзаром. Она думала, что и он помнит её и обязательно однажды вернется. Их встреча предопределена. Халхаский Богдо Джавдзандамба представлялся ей не буддой, а простым красивым мужчиной. Интересно, что одновременно с этим она и стала чувствовать красоту своего тела. Когда-то в детстве она безотчетно радовалась, слыша краем уха, как люди отмечали ее, дочери Сунгэрэла тайджия, красоту. Теперь Амина сама видела, как безукоризненна форма ее груди, как стройны ее ноги. Поглаживая свою нежную мягкую кожу, в которой словно растворялся розовый луч, она мечтала о дне, когда сможет подарить другому это красивое тело. И в этих мечтах возникали большие умные глаза Дзанабадзара, его широкие плечи, руки с длинными пальцами, спокойные размеренные движения.

Амина смотрела на янтарно-желтое небо и будто исследовала свои чувства и мысли. Мать с молитвой беззвучно ходила вокруг юрты. В прозрачной утренней прохладе раздавались птичьи голоса с дальнего озера и мычание ско-

[9] Тоно (*монг.* тооно) — верхнее отверстие монгольской юрты, дымоход.

[10] Абида Будда — монгольское, бурятское произношение имени Будды Амитабхи, одного из самых почитаемых божеств в буддийском пантеоне.

та. О, как безмятежно это утро! Жизнь человека начинается погожим солнечным утром, но будет ли длиться до конца под пение птиц и мычание скота? Хоть бы так было всегда! Но такое случается разве что в будущей жизни, а в этой нам не дано. В бренном мире нет конца бедам и напастям, воинам и убийствам, гнету и страданию, смерти и разлуке. Говорят, наша Вселенная изменчива и призрачна. Ни что не вечно в ней. Поэтому этот покой и умиротворение, красота тела, природа — все тленно. Как красив этот мир! «Моя милая мама каждое утро с сутрой в руках читает молитву. О будда Гончигсум[11]! Пусть будет милостив бурхан! Пусть покровительствует будда всем: и Дзанабадзару, и родственникам, и жителям айлов и аймаков. Святейший Богдо Джавдзандамба, пленивший мое сердце, за нас с вами помолитесь буддам Барун Зуу[12], и Очирдар[13] Далай-ламе. Ом мани падме хум![14]», — молилась от всего сердца Амина, прижав маленькие теплые ладони к груди.

Внутренняя тревога заставила ее приподняться, откинув край собольего одеяла. В западной половине юрты на деревянной кровати с низкой спинкой спал младший брат Бумшур. Ему исполнилось только пятнадцать лет, но был рослый, постоянно возился с лошадьми, и мышцы у него были крепкие и тугие. Было что-то забавное в том, что мальчик сбил одеяло и лежал с голыми ногами и накрытой головой. Для него в отличие от сестры, вставать рано было хуже смерти. Он мог спать до обеда. А, проснувшись, цеплял к поясу лук и колчан, садился на коня и вместе со сверстниками целый день гонялся в горах на лис и корсаков. Вот такая была у него работа. Поговаривали, что он будет богатырем, каких не было еще в их роду. Единственный, кого он превозносил, был Цогто-хунтайджи. Мальчишка постоянно твердил, что когда вырастет обязательно отомстит потомкам ойратского Гуши-хана. Он вдребезги разбил мечты отца сделать из него ученого, а матери — посвятить себя религии. После печального события с Цогто-хунтайджи, семья Сунгэрэла старалась быть готовой в любой момент защищать с оружием в руках свой очаг. Даже в десятилетних мальчишках воспитывали силу и удаль отважного бойца. Амина удивилась вдруг охватившей ее тревоге. Она закрыла глаза, стараясь вновь пробудить мечтательное настроение этого солнечного прекрасного дня. Положив голову на шелковую подушку, она расслабилась. Было слышно, как на улице поют жаворонки, а привязанный около юрты конь хрустит соломой. Шаги мамы стихли. Батрачки доят коров, изредка кричат: «Хоч! Хач!»[15]. Слышно, как в большой юрте давно вставший отец то и дело откашливается. Среди всех этих ближних и дальних звуков вдруг появился отдаленный гул. Амина насторожено прислушалась. Какой-то сильный отдаленный звук слышался даже через подушку. Она подумала, что шум похож на топот многочисленных копыт. Может быть соседский табун? Но земля гудела от отдаленного шума. Откуда такое множество коней? Так много всадников? Амина вскочила, накинула на обнаженное тело летний халат и босая вышла на улицу. На юге тянулся голубой дымок от юрт соседних айлов. Она обошла юрту и посмотрела на голубые гребни северных гор. И тут заметила силуэты то ли всадников, то ли скота. Она внимательно присмотрелась. Действительно, это было множество всадников.

— Отец, что за люди там едут? — Спросила она сонным дрожащим голосом. Испуганный голос дочери заставил Сунгэрэла выйти.

— Где? Что за люди?

Амина рукой показала на север. Сами всадники еще четко не различались, но было прекрасно видно, что они приближаются. Острый

[11] Гончигсум (*монг.* Гончигсүм) — монгольское произношение тибетского имени Чогсум, обозначающего «Три драгоценности».

[12] Баруун Зуу — одно из монгольских названий Тибета.

[13] Очирдар — то же: Очир-Дара, имя бодхисаттвы, распространявшего буддизм в Древней Индии (от санскр. Ваджрапани/Ваджарадхара, *букв.* «Рука, держащая ваджру»; тиб. rdorje 'chang; монг. Очирвани).

[14] Ом мани падме хум — одна из самых известных мантр или сакральных формул в буддизме Махаяны, и особенно в тибетском буддизме; направлена на самосовершенствование, представляет собой мантру любви и сострадания, помогает раскрыть сердечный центр, поэтому связана с бодхисаттвой сострадания Аволакитешварой.

[15] Хоч! Хач! — возглас, которым погоняют коров.

взгляд Сунгэрэла отметил, что они вооружены. Не враг ли это?

— Амиа (так домашние звали Амину)! Разбуди брата. Пусть живо скачет и позовет южных соседей, — сказал отец. Он был человеком, в любой момент готовым взять в руки меч и сесть на коня. В айле Сунгэрэла поднялся шум. Мужчины бегали, ловя лошадей, девушки будили стариков и в суматохе одевали детей. Бумшур был соней, но при таких обстоятельствах проявил себя настоящим мужчиной. В мгновение ока он оседлал коня, прицепил к поясу лук и колчан и со свистом умчался предупредить южных соседей. Прискакали плечом к плечу вооруженные всадники. Амина, предчувствуя беду, с бьющимся сердцем оделась, расчесала волосы и прибежала в юрту отца. Мать зажигала лампаду. Видно было, что она сильно встревожена.

— Будда обязательно поможет. Зачем думать о плохом? Не иначе как тангутские[16] или олётские[17] воины проезжают мимо. Отец, помрачнев лицом, вытащил из книжного ящика талисман, надел на шею дочери и сказал:

— Амина моя, если что-нибудь случится, позаботься о матери.

— Отец, а как же Вы? — Всхлипнула Амина. Супруга Сунгэрэла Буднэ зажгла лампаду в серебряной лампаднице и помолилась, сделанному в Индии Арьявал[18] будде.

— Будда все видит, он оградит нас от бед. Без Вас мы, как клещи, брошенные в пепел. Прошу, не гневите этих людей грубыми словами, — сказала она грудным мягким голосом и села, глядя на мужа умоляющим взглядом. Ханше Буднэ уже около пятидесяти, но у нее гладкое выразительное лицо, она аккуратна и подтянута. Буднэ была пожилой степенной красавицей. Она говорила мягким голосом, смотрела кротко, по характеру была милосердной и сердобольной женщиной. Она была человеком бесконечно верующим. В её вере не было ни малейшего сомнения, что рай достигается молитвами ради спасения всех живых существ. Двадцать лет назад молва о её красоте дошла до северного халхаского золотого нутака. В то время началась кровопролитная война между халхами и ойратами, в которой погибли часть племен Цогто-хунтайджи, боржигинов[19], цахаров[20], олётов и онигудов[21]. Буднэ попала в число, оставшихся живых, помилованных Гуши-ханом. В этом спасении она видела промысел будды. Род Сунгэрэла-тайджи из поколения в поколение славился просвещенностью, и сам Сунгэрэл был на хорошем счету у тибетского Далай-ламы. Но был момент, когда Буднэ с родственниками едва осталась в живых. Она так и не смогла забыть несчастье того смутного времени. Такое, на самом деле, невозможно забыть. Все обстоятельства никто, кроме самой ханши Буднэ, не знает. То событие уже потускнело от долгого хранения в тайниках души. На протяжении многих лет она хранила тайну, как клятву, данную перед Небом. Но до сих пор воспоминания вспыхивали ярким светом, когда она пугалась, как сейчас. В тот злосчастный год, получив весть, что войско Цогто-хунтайджи разбито, женщины, дети и старики в панике откочевали в сторону Халхи. Сын зятя

[16] Тангуты (*монг.* тангуд). Древний тибето-бирманский народ, создавший могущественное государство Западное Ся в 1038–1227 гг. на северо-западе Китая. Были ассимилированы монголами, китайцами и тибетцами после завоевания их земель Чингис-ханом.

[17] Олёты (*монг.* өөлд). Название одного из крупных ойратских племён периода средневековья. Предположительно, от их имени было дано название всем западным монголам — ойраты.

[18] Арьявал — Арьябала, монгольское имя бодхисаттвы Авалокитешвары, воплощения бесконечного сострадания всех будд.

[19] Борджигин — монгольский род, основателем которого называют Бодончара, младшего сына Алан-Гоа, прародительницы монголов-нирун, одной из ветвей средневековых коренных монголов.

[20] Цахары (*тж.* чахары) — южно-монгольский этнос, означавший объединение нескольких племён: суннитов, уземчинов, найманов, кешигтенов, хучитов. В XV–XVI вв. были одним из шести туменов Восточной Монголии; со времени падения Юань до 30-х годов XVII в. чахарский тумен был политическим центром Восточной Монголии. В настоящее время большинство чахар проживает на территории Внутренней Монголии (КНР), значительно меньше — в Монголии и Бурятии.

[21] Онигуд — оннигуты, южно-монгольский этнос, в этногенезе которого приняло участие одно из гуннских племен. Вошли в империю Чингис-хана. В XVII в. в ходе борьбы Лигдэн-хана за объединение монголов перешли на сторону маньчжуров. В дальнейшем рассеялись и перестали существовать как самостоятельное племя.

Гуши-хана Чинас баатар, тщеславный юноша, с несколькими воинами, прискакал, чтобы забрать оставшееся. Детей и стариков оставив в нутаке, он забрал женщин и девушек, сделав их служанками. Забрал себе все имущество. Чинасу не было и двадцати, но он был очень охоч до женщин и вещей. Прежде всего он прискакал к Сунгэрэлу, так как слышал о красоте Буднэ. Ему захотелось покрасоваться своими мужскими и воинскими доблестями, потешить свою гордыню.

— Плененная вместе с родственниками Буднэ, уныло смотрела на гурты скота и вереницу, лязгающих одноколок, нагруженных юртами. Она боялась приставаний чванливого и глуповатого Чинаса. Единственный сын Цогто-хунтайджи Арслан-тайджи, отправившись войной на Лхасу, перешел на сторону тибетцев и по приказу отца лишился головы. Погруженная в неясные размышления, она вдруг услышала разговор ойратских солдат. Они говорили, что Сунгэрэл, отправившись в свите Арслана, признал власть Гуши-хана и попал в расположение Далай-ламы. Случилось то, чего она боялась. На первом же празднике Чинас позвал ее в шатер и средь бела дня хотел взять ее силой. Он ел жирную баранину, по пальцам стекал жир, Чинас жадными глазами пожирал тело Буднэ. Расплывшись в улыбке, он приказал, выходя из юрты: «Ты — моя походная жена. Раздевайся и ложись». Буднэ до сих пор не поймет смешным или стыдным был найденный ею выход. Она взяла обгрызенную кость и легла. «Богатырь» Чинас вошел, приступил к делу и вдруг вытаращил глаза. Почувствовав кость, он закричал: «Двуполая чертовка!» В отместку он откусил соски грудей и вырвал волосы. Так среди ойратов появился слух, что ханша Сунгэрэла двуполая. С тех пор прошло огромное количество времени. О, Небо!

Пока переполошившиеся сунгэрэловцы готовили коней, всадники прискакали. Галдели все: собаки, птицы. В кочевье, отделенном от главной караванной дороги, никогда не было так много народа. Даже старики и дети вышли на улицу, с волнением гадая, что это за люди. Ханша Буднэ молча смотрела на мужа. Амина большими карими глазами, осененными шелковыми ресницами, поочередно посмотрела на родителей и подумала: «Мое плохое предчувствие не сбылось. Наверное, они просто сбились с пути. На дорогах много грабителей, поэтому они едут с оружием. Но почему их так много? Похоже, что тангутские или ойратские войска направляются куда-то». Поднявшие пыль столбом всадники, подняв на изготовку мечи и штыки, молча встали в ряд.

— Что делать? — вскрикнула Буднэ.

— Отец, где же Бумшур? — Подбежала Амина и прильнула к отцу. Сунгэрэл подумал: «Успел Бумшур доскакать до южных айлов или нет? Если они хотят уничтожить нас, то поставили крепкую засаду, что бы никто не мог выйти».

Амина, иди в юрту. И не показывайся, пока все не прояснится. Если будет опасно, постарайся добраться до брата, — сказал отец. Амина пошла к юрте, в этот момента один из воинов во всю прыть поскакал к ним.

Амина вбежала в юрту и прильнула к притолоке, наблюдая за происходящим. Всадник примчался, едва не задавив людей.

— Эй, слушайте! Приказ принца богатыря Билигту, приближенного князя Тур-Байха, Великого хана Четырех ойратов. Мы приехали отомстить потомкам халхаского Рябого Цогто-хунтайджи, врага Очирдар Далай-ламы и установить навсегда буддийскую желтую веру. Мы приехали, чтобы принести в жертву желтому стягу сердца и легкие ваших мужчин. Эй, Сунгэрэл-тайджи, выходи! Ты первым поклонись, приказал принц Билигту. Может быть, тогда он помилует твоих жену и детей. Так велел он передать.

Ханша Буднэ припала к ногам мужа, цепляясь за подол его дэли.

— О, будда Гончигсум! Что с нами будет? Вы не должны идти туда! Не надо, — всхлипывая, говорила она. Сунгэрэл посмотрел на окружавших его мужчин, женщин и детей. «Мы, отделились от Халхи и теперь, столкнувшись с опасностью, как ковыль, не защищены от ветра и урагана. Вот к чему привели отсрочки возвращения в Халху. Рассорившись в Халхе, ушли жить у ее границы, надеясь на лучшие времена — это было ошибкой. Сейчас все за-

кончено. Значит, суждено свалиться на нашу голову ошибкам и грехам высших», отчетливо понял он. Сунгэрэл поднял жену, поцеловал ее в лоб и обратился к людям:

— Я должен идти. Должен, хотя бы ради того, что это смягчит хоть немного их ярость. А вы думайте, как спасти жизнь свою и детей. Сопротивляться бесполезно. Мы ошиблись. Разговоры сейчас не помогут. Что бы не случилось, возродится очаг нашего рода. Придет день и кончится смутное время. Наши внуки и дети увидят райское время. Ну, братья мои, счастливо оставаться.

Сунгэрэл снял шапку, несколько раз поклонился, сел верхом на коня и поскакал в сторону ойратов. Ханша Буднэ, протянула руки вслед мужу, сделала несколько шагов, но потеряла сознание и упала плашмя на землю. Женщины и девушки заплакали в голос. Эти беззащитные слабые существа оплакивали свою судьбу. Мужчины среднего возраста отошли от женщин и детей, совещаясь, что делать. Одни предлагали бежать, оставив дома, взяв только оружие, и постараться объединить силы. Другие говорили: «Умрем здесь, защищая женщин и детей». Третьи готовы были сдаться врагу. Они спорили, не находя выхода из обрушившейся на них беды. Амина, послушная воле отца, ушла. Но, увидев упавшую в обморок мать, не выдержала и прибежала к собравшимся женщинам. В то время, как сунгэрэловцы рыдали, от ойратского войска отделились три всадника. Испуганные люди ждали, что будет.

— Они оставили Сунгэрэла-тайджи? Скачут и чем-то машут! — слышались вскрики. Один из трех всадников махал чем-то, поднятым вверх. «Как это они оставили тайджия?» — недоумевали они, но уже догадывались, что это отсеченная голова. Буднэ хатан снова лишилась чувств, упав на руки дочери.

— Отец! Что сделали с моим отцом! — рыдала Амина, так что сердце разрывалось. Женщины и дети пронзительно заголосили. Даже скот и собаки загалдели, почувствовав, что пришла беда. Три всадника подскакали к людям. И один швырнул к их ногам то, что держал в руках. Это была голова Сунгэрэла, который четверть часа назад произнес свои последние слова. Кончик косы, тронутый сединой, был испачкан в крови, исполненные ужасом глаза смотрели в небо.

Всадники молча ускакали. Тогда один из мужчин сказал:

— Поехали, надо объединяться! Быстрее!

В это время послышалось:

— Уже опоздали.

Схватив все, что попало под руку, мужчины сели на коней и поскакали, чтобы объединиться с южными соседями. Едва они поднялись на первый холм, как их окружил уже ждавший их вражеский караул. В этом мгновенном кровопролитии сложили головы все мужчины из айла Сунгэрэла. А вслед им неслись крики боли беззащитных стариков, детей, женщин. Взметая копытами пыль, примчались безжалостные враги, привезшие голову Сунгэрэла, уволакивали рыдающих людей, грабили юрты. Ханша Буднэ пришла было в себя. Но, увидев окровавленную голову мужа, обняла ее и упала замертво. Одна из женщин сказала: «Бедняжка, сердце разорвалось». Амина упала на мать. Она рыдала, зовя родителей. Ойратский воин, поднял ее.

— Дочь тайджия здесь! — крикнул он. Предводитель войска князь Билигту, среднего возраста высокий смуглый мужчина, гремя доспехами, спешился с большого красного коня с серебряной шлеей.

— Что ж, и девушка наша добыча. Хочу посмотреть на ее мать, обманувшую Чинас батара. Буднэ, которую называли двуполой чертовкой, родила детей, — засмеялся Билигту. Поднявший Амину воин показал:

— Вот! Она, умерла.

Амина, шатаясь, уходила. Князь жадно смотрел на ее красивое тело. Ханша Буднэ, обняв голову мужа, лежала мертвой. В долине Улан балгас, двадцать лет жившей спокойно, внезапно поднялась черная буря смерти и страданий. Словно солнечный день вдруг сменился кромешной ночной темнотой. Что же это происходит? Ведь говорили, что Большая война между халхами и ойратами закончилась, все вошли в расположение Очирдар Далай-ламы. Святая религия изгнала злобу из людских сердец. Следуя по пути добродетели, люди стали меньше

страдать. Нет, этого не случилось. Разве исчезла вражда между халхами и ойратами? Откуда вдруг появился черный ветер бед и страданий? Куда делось чистое учение — вера народа, закон любви и милосердия, спасение и помощь всемогущих будд? Ради чего были произнесены и сотворены молитвы и жертвоприношения? В долине Улан-балгас потекла река крови. Около сотни мужчин, потомков Цогто-хунтайджи, жившие у границ Монголии, в один день были уничтожены. Все, кроме младенцев в колыбели. Войско Билигту залило кровью айл Сунгэрэла, силой забрало женщин и имущество. Как опьяневший от крови зверь, как смерч, пронеслось оно по Улан-балгас, убивая всех на своем пути. Действительно, верна страшная древняя пословица военного лихолетья: «Убивают всех, имеющих кровь. Уводят все, что имеет повод. О, как горько, как страшно»

«Со скрипом едет одноколка». Длинная вереница телег поднимается на невысокий холм. Женщины бредут, печально глядя в землю. Женщины с большими детьми идут рядом с телегами, те, у кого малые дети, сидят среди поклажи. Время от времени слышно, как плачут дети, стонут и рыдают женщины. Рядом едут на конях, склонив голову, дети, сопровождающие табун соловых коней и белесых овец. И у людей, и у скота головы опущены вниз. День был солнечный и ясный, но от черной пыли вокруг стало темно. Не было ветра, но и верхушки трав тоже пригнулись. Дальние горы среди клубов черной пыли тоже казались мрачными. В действительности это были голубые манящие к себе горы. Грустно звенит колокольчик последней телеги. От грохота сражений, от плача и рыданий улетели испуганные птицы. Не слышно даже пения жаворонков. В стороне от дороги фундаменты сожженных юрт чернеют, как язвы проказы, клубится зола очагов. «Со скрипом, едет одноколка». Дети плачут, женщины стонут.

Амина, уставившись в землю, шагает с краю дороги в голове вереницы. Ее серая хлопчатобумажная дэли подпоясана потрепанным креповым поясом, на ногах тибетские сапоги с тупым носом, голова повязана синим шелковым платком. Она не надела никаких украшений. От природы красивая девушка была подавлена тяжелым горем. Она была бледна и пошатывалась. В ее изумительной красоте появилось окрашенное грустью очарование. Еще совсем недавно ее тело было легким, словно готовым летать. Ей и во сне не могло присниться, что случится такая беда. Внезапно оставшись сиротой, пошатываясь, она идет за вьюками. Это было как кошмарный сон. И слишком неправдоподобно для реальности. У Амины рябило в глазах от непрерывного вглядывания в землю. Она подняла голову и огляделась. На горизонте, затянутом пылью, мелькали с торчащими копьями несколько всадников. Очертание скота вдоль дороги исчезает в клубах пыли. На маленьком холме стоит фигура с воздетыми к небу руками, ее поза, словно каменный памятник. Все, что попадалось на глаза, казалось обрывками сна. Амина подумала, а вдруг мама не умерла, а потеряла сознание. Перед глазами появился образ матери, крепко прижавшей к себе окровавленную голову отца. Амина внезапно остановилась. Когда страшное видение отошло, Амина открыла глаза и посмотрела на стоящую фигуру. Похоже, это была женщина. Человек стоял как бы между небом и землей. Чернеют распростертые к небу руки, моля о спасении — живое воплощение крика и рыданий. Вид этих простертых вверх рук отзывался в ушах Амины звуками рыданий и криком сотен людей. Все заходится в крике: и небо, и земля, и скот, и табун. Но, на самом деле, этот усиливающийся звук отдавался не в ушах, а в разрывающемся от горя сердце. «А не жива ли мама?» – снова подумала Амина. Эта мысль заставила ее передернуться от ужаса. Виднеющийся на холмике человек молился, протягивая руки к небу и падая на землю в сторону юга. Амина отошла от телеги и направилась в ту сторону. «Может быть, это молится, лишившись рассудка, мама?» – охваченная этой мыслью Амина побежала.

— Решила удрать? Вернись назад! — закричал всадник.

— Вон моя мама... — показала Амина на того человека.

— Это сумасшедшая старуха молится. Вернись. Только теперь Амина поняла, что все это

бред и пошла назад к телеге. Среди десяти телег с имуществом Сунгэрэла была одна, полностью загруженная книгами. Воины хотели сжечь их, но князь Билигту запретил. Он поступил так не из уважения к книгам, а потому, что хотел преподнести их настоятелю монастыря. Еще у него была мысль: держать при себе дочь Сунгэрэла, Амину. Он мог получить за нее выкуп, который использовал бы для нужд ойратов, либо мог при желании развлечься с ней. Амина догадывалась, какая позорная участь ждет ее. Сейчас ей было все равно, что бы ни случилось. У нее не было сил размышлять о будущем. Мысли беспорядочно ворочались в ее мозгу, пораженном ужасом. Скрипя, крутится обод одноколки. В одну мелодию слились колыхание серой дымки тумана и уход за горизонт вечернего солнца. Сердце Амины болит, трепещет в груди. И в такт ему бегут мысли.

— Отец мой, мама... Братик мой, где ты? Жив или убит? Я осталась совсем одна. Зачем мне жить в одиночестве? Быть игрушкой в руках солдат? Ноги врагов затопчут меня. Тело, которое ласкало соболье одеяло, будет обесчещено и выброшено. Сделают рабыней. Все невыносимые беды и напасти обрушились на нас. Небо — свидетель, несчастья преследуют нас. Мама, Вы столько лет молились, с сутрой в руках, обходя хотон[22]. И где же милосердие ваших богов? Где они ваши боги? Ради чего Вы, мама, до седин молились ему и творили добро? А Вы, отец? Почему не предвидели беды? Вы же были умным всезнающим человеком. Не хватило Вашей мудрости оградить нас от беды? Халхаский Ундур-гэгэн! Дзанабадзар мой! Я с любовью думала о Вас. Выходит, Вы не молились за меня, за нас своему учителю — Всемогущему Далай-ламе? Я до сих пор вспоминаю Вас. И тоскую. Наверное, Вы уже забыли меня? В этом мире люди забывают друг друга. В мире, где человек человека пинает, давит, как насекомое, и выбрасывает, отрубив голову, забыть человека — пустяк. Ундур-гэгэн, пожалей нас, прости! Если ты действительно настоящий Богдо, приди, почувствуй нашу беду, мое необъятное горе. Может быть, ошибка — мечтать о Вас? Я, грешная женщина, рожденная под несчастливой звездой, мечтала о Вас и этим разгневала небо? О, Небо, почему ты не пощадило нас? Почему не защитило и не пощадило невинных людей, следующих по пути добродетели? Я, как клещ, брошенный в пепел, осталась сиротой. Какая я несчастная! О, Дзанабадзар мой, мой бедный братик Бумшур. Хоть бы Вы приехали за мной. Не приедут, не приедут... — Амина, ослабев, присела на одно колено у края дороги. В это время с дальнего конца длинной вереницы к ней приблизились несколько размахивающим мечом всадников. Амина испугалась, что они снесут ей голову. Она обхватила длинными белыми пальцами шею и пригнулась. Кто-то из воинов крикнул у нее над головой:

— Принцесса Амина, мы приехали пригласить Вас. Досточтимая прекрасная принцесса соизволит ли пожаловать за нами, — всадники засмеялись. Амина осталась сидеть, пригнувшись и обхватив шею. Кто-то прямо с коня поднял ее. Она крикнула: «Мама!» и потеряла сознание. Мужчина схватил ее и ускакал. Оставшиеся женщины печально смотрели вслед.

Князь Билигту устроил полуденный привал. Рядом со своей маленькой походной палаткой приказал поставить желтый шелковый шатер. Он оставил небольшую свиту, несколько нойонов и охранников, остальное войско отправил преследовать беглецов. Везде стояли его караулы, даже птица не вылетела бы из долины Улан-балгас. Многие годы сунгэрэловцы хорошо воевали, но в мирное время потеряли бдительность. Мужчины, успевшие с оружием в руках сесть на коня, бились насмерть. Часть из них напала на стражников и спаслась бегством. Искали сына Сунгэрэла-тайджия, но он, видимо, успел убежать. Князь Билигту хотел пленить обоих детей Сунгэрэла, поэтому сильно разгневался. Он требовал достать беглеца из-под земли. Билигту был младшим братом покойного ойратского хана Батура-тайджи[23]. После смерти хана среди его сыновей началась

[22] Хотон (*монг.* хотон) — поселок, селение.

[23] Батур тайджи или Батур-хунтайджи — Эрдэни-Батур (1635–1653), основатель и первый хунтайджи Джунгарского ханства с титулом Эрдэни-Батур-хунтайджи. Представитель рода Чорос, старший сын и преемник Хара-Хулы.

внутренняя борьба за власть. Ойраты разделились на западных и восточных. Западное крыло возглавлял Сэнгэ[24], восточное — сменяя друг друга, восемь сыновей ханши Дарбинч. Билигту принял сторону Сэнгэ, Он присматривался и, когда понял, что порядок стало возможно навести только жесткой рукой, решил перейти на его сторону. Билигту рассчитывал получить нутак и власть, а если представится счастливый случай, стать во главе государства. Кое-как закончилось страшное время войн халхаского Цогто-хунтайджи и ойратского Гуши-хана. Четырнадцать лет назад по инициативе покойного брата-хана в местечке Ар Тарбагатай на Большом халха-ойратском собрании провозгласили «Свод законов сорока и четырех»[25]. Этот закон провозглашал мир против войны, давал надежду всем от мала до велика. Но князья, зятья князей, их сыновья, подобные Билигту, ждали смерти соблюдающих мир предков. Старшие, придерживаясь мира, старались сохранить огонь в очаге Монголии, занимающей в Азии огромное пространство: они понимали, что потомки Великих ханов, большие и малые нойоны, тайджи, начиная с дележки женщин и имущества, затем подстрекаемые маньчжурами и тибетцами, на протяжение долгих лет лили свою кровь и складывали груды костей. И в итоге, дошли до того, что почти распотрошили золу домашнего очага. Наступило время одуматься. Только халха-ойратский закон, провозглашающий мир, не смог осуществиться и остался на бумаге. Но все-таки, с принятия закона прошло мирных десять с лишним лет. Видать, наскучило жить в мире, а как сказать иначе? Или просто в эти десять лет не возникало причины для раздоров? Однако причину создал сам Батур-хунтайджи, участвовавший в принятии «Великого уложения». Незаконно рожденному сыну Сэнгэ отдал половину земель, а оставшуюся половину, словно специально для раздоров, разделил между восемью сыновьями, рожденными от законной жены Дарбинч. Так появилась причина для вражды и войны. Другая причина крылась в положении государства и провокаций со стороны маньчжуров и тибетцев. В прошлом году незадолго до кончины Батура-хунтайджи прокатился слух, что Бандир-тайджи[26] из халхаского Тушэту-хановского нутака во главе своих подданных перешел к маньчжурам. Это стало для ойратских нойонов и тайджиев доказательством предательства халхаских тайджиев. Батар-хунтайджи послал гонца к Тушэту-хану. По закону «Свода законов Сорока Четырех» Бандир был схвачен. У него отобрали скот, табуны и крепостных. Хотели отрубить голову. Но Тушэту-хан обратился к маньчжурскому императору с просьбой вернуть Бандира. Тогда распространился слух, что священный свод законов халхаские нойоны попрали своими же ногами. Во время борьбы для человека, ищущего повод поссорить между собой ойратов с халхами, всегда в нужный момент найдется причина. И князь Билигту нашел. И сумел использовать её. Хан западных ойратов Сэнгэ, опасаясь, как бы не возросли аппетиты Восточных восьми братьев, решил заручиться поддержкой монгольского Очирту Цэцэн-хана. Отец Батар-хунтайджи незадолго до смерти настоятельно рекомендовал породниться с ханом Очирту Цэцэном из рода Гуши-хана. Когда десять с лишним лет назад на собрании в Ил Тарбагатай встретились Гуши-хан и Батар-хунтайджи, они договорились породниться. По этому договору Сэнгэ-хан решил взять в жены дочь Очирту Цэцэн-хана. Кроме Билигту не оказалось подходящего человека, который сосватал бы невесту. Когда князь Билигту отправился в Кукунор Хошеутовского нутака, он замыслил воспользоваться этим и с помощью Очиру Цэцэн-хана вернуть земли отделившихся от Халхи. Это, во-первых, принесло бы ему славу. Во-вторых, если из-за этого

[24] Сэнгэ (1630–1670) — второй хунтайджи (с 1653) Джунгарского ханства с титулом Цэцэн хунтайджи.

[25] «Свод законов сорока и четырех» (монг. «Их цааз» или «Великое уложение») — кодекс монголо-ойратских законов XVII в. Принят в 1640 г. на съезде 44 удельных князей и религиозных деятелей, созванном по инициативе правителя Джунгарского ханства Эрдэни-Батур-хунтайджи.

[26] Бандир-тайджи — нойон аймака Тушэту-хана в Халхе. В XVII в. вместе со своими подданными бежал в Цинскую империю, принял подданство маньчжурского хана, что спровоцировало территориальные и военно-политические конфликты в степи.

возникнут вражда между халами и ойратами, то это даст возможность Сэнгэ — противнику халхов, возглавить все ойратское государство. Всегда находясь в тени брата-хана, будучи всего лишь одним из многочисленных князей, он был охвачен яростным стремлением самому решать государственные дела. Но было ясно, что он не способен ни на что другое, кроме как нападать с сотней другой солдат на одиночные айлы и нутаки. И вдруг ему в голову пришла мысль. Он вспомнил, что между Алашанем и Кукунором живет халхаский Сунгэрэл, оставшийся там после столкновения Гуши-хана и Рябого Цогто. Весь их род нужно было стереть с лица земли, но по милости победителей и расположению Далай-ламы они остались в живых. Приткнувшиеся между Монголией, Маньчжурией и Тибетом, они годны только на выкуп. Остатки ненавистных врагов великого всепрославленного Гуши-хана, могучего хана Четырех ойратов, предатели, покорившиеся Маньчжурии и Тибету, изменники халха-ойратскому «Своду законов» пусть станут добычей простых солдат. А все трофеи отдадим Очирту Цэцэн-хану, как выкуп за невесту. Известно, что он сказал: «Что возьмешь с пропащего народа? Потомкам врагов отца-хана было суждено погибнуть, так и свершилось. Есть легенда, что давным-давно ханша Сунгэрэла Буднэ, попавшись в плен глупому Чинас-батру, незаконному сыну Гуши-хана, сумела провести его. Говорят, дочь хитрой Буднэ необычайно красива. Кому отдать пленных, Буднэ и ее дочь, Очирт-хану или хану Сэнгэ? Может самому развлечься на длинном пути». В этом и была причина нападения на семью Сунгэрэла. Князь Билигту – один из тех, чья натура проявляется в смутное время, в зависимости от поворота событий. Он может стать святым хутухтой и может быть отвратительным грязным убийцей. Беда семьи Сунгэрэла в том, что они оказались у него на пути. Как несправедлива судьба человека, как изменчива жизнь! Князь Билигту приятно отдыхал в шелковом желтом шатре, облокотившись на шелковую подушку, освободив от сапог свои кривые ноги. Его овальное смуглое лицо было абсолютно заурядно. В бегающих хитрых глазах проступала усталость. Худые руки с длинными ногтями, умытые в крови многих людей. Бронзовые узловатые мышцы под синей шелковой одеждой с широченными рукавами свидетельствовали о том, что сила его еще не ослабла. Он начал путь достижения своей цели. Лежа в желтой шелковой палатке, он размышлял о дальнейшем повороте событий. «Если есть воля, всегда можно добиться задуманного. Большое начинается с малого. Для нас было пустяком напасть на семью Сунгэрэла. Мы заполучили его имущество и скот. Это тоже немало. Но и немного. Что делать дальше? Надо постараться сделать Сэнгэ ойратским ханом. Тогда я, опираясь на его силу, достигну задуманного. Тогда будет и большое. Стану правой рукой всеойратского хана и буду наблюдать за событиями. Что человеческая жизнь? Не заметишь, как станешь никому не нужным. Пока можешь — бери побольше. Человек получает то, что ему предназначено. Сейчас трудно определить будущий путь объединенной Монголии и Джунгарии. Отношения между халхами и ойратами могут повернуться как угодно. Брат-хан говорил, что однажды Четыре ойрата сядут на голову всей Монголии. Если есть сила, ничего невыполнимого нет. Я с двумястами воинами захватил целый хошун[27]. Будет несколько тысяч солдат, и захватим Анду или, вообще, всю Высшую Монголию. Ойраты могут выставить тысячное войско. Только нужна решимость. Неизвестно будет или нет у Сэнгэ такая смелость и дальновидность. В любом случае надо думать, как захватить восточное крыло. А это тоже не мало».

Пока Билигту лежал и размышлял, часовой просунул голову в дверь:

— Нойон, привезли ту девушку, — князь быстро встал, хотел выйти, но передумал.

— Отведите ее в приготовленную юрту. Накормите, напоите. Скажи, чтобы дали, все, что пожелает. Около юрты поставьте стражу! — приказал он.

Только сейчас у него появился подходящий момент, до этого он следил за погрузкой имущества Сунгэрэла. Поскольку сунгэрэловские

[27] Хошун (*монг.* хошун) — административно-территориальная единица.

после войны между халхами и ойратами двадцать лет пасли скот, торговали, совершали обмены, быстро разбогатели и владели большим имуществом. Работы было много. И только подготовив к дороге караван и отправив его в путь сегодняшним утром, князь перевел дыхание. Но тут к нему доставили дочь покойного Сунгэрэла-тайджи. Однако князь не собирался развлекаться с ней. Понимая, какое горе он причинил их семье, ему хотелось объяснить ей, что нет другого выхода, как покориться судьбе, что несчастье их семьи было предопределено. Прежде всего, ему хотелось оправдать себя перед самим собой. Хотя он не особо страдал из-за совершенного, но все же хотел, если не перед другими, то перед собой оправдаться за то, что просто так пролил кровь стольких людей. «Целеустремленный человек всего добьется». Эта мысль приводила его в восторг. «Ты добьешься задуманного. Пришло твое время», — странно, но при этом он чувствовал в сердце колющую боль. Когда вчера Амина лежала, с рыданием обнимая труп матери, Билигту мельком взглянул на нее, и в душе пожалел. Но тотчас подумал: «Эта красивая женщина в моей власти. Ты рождена быть рабой победителя». Сейчас он вышел, задержал взгляд на юрте с запертой Аминой, но от чего-то не решался войти в юрту. Солдаты, используя обеденное время, скакали взад-вперед, собирая скот и подгоняя отставшие телеги. В сумерки, незадолго до заката солнца, Билигту незаметно вошел в юрту Амины. Она лежала на небрежно брошенном ковре, уставившись на решетчатые стены маленькой юрты. Ее чистое, как река, тело было неподвижно. Она была в тибетских сапогах, старой серой дели, волосы повязаны шелковым пестрым платком. Выделялась лишь ее стройная белая шея. Князь задержался немного в дверях, наблюдая за ней, и откашлялся.

— Госпожа, повернитесь. Я пришел объясниться. Я — нойон этого ойратского войска — чоросский князь Билигту, — с этими словами он вошел и сел в западной части юрты, гремя доспехами. Амина медленно поднялась и также медленно повернулась. Ее красивые черные глаза были неподвижны и затянуты туманом горя. Ее поджатые тонкие губы чуть заметно дрожали. Вздрагивали ее посиневшие веки, прямой чистый нос, насквозь просвечивающие крылья носа. Она не плакала и не была испугана. Это была дрожь слабости. Она была похожа на человека, пораженного тяжелым недугом. Князь встретился с ней взглядом и едва не отвел свой. Разозлившись на себя, он сказал:

— Мы, ойраты, не забыли халхаскую вражду к нам. Ваши совершили недозволенное. Я не должен говорить все это тебе. Но я принимаю во внимание твой известный в Монголии род. Сейчас для твоей судьбы наступило другое время. Пришла пора новых столкновений между халхами и ойратами. Под ногами войны погибает любой. В это время не щадят ни женщин, ни детей, но вас пощадили. Никому не уйти от всевластного времени.

— Пощадили? В чем мы провинились? Найдите моего единственного брата, — сказала Амина и из ее больших глаз потекли слезы.

— Вы, небось, убили моего брата? Он же еще ребенок.

— Я приказал солдатам найти и привести твоего брата. Где я его найду? Может быть, он погиб или сбежал. Я же сказал, что помиловал женщин и детей, — сказал Билигту и подумал: «Какой красивый грудной голос».

— Говорите, помиловали! Если вы убили моего брата, убейте и меня.

— Нужно будет — убьем. Ничто не помешает. Ваша судьба быть служанкой в ойратской юрте. Я говорил о твоем знатном происхождении. Но я могу сделать тебя и рабыней. Над тобой власть времени и моя. Я могу нежить тебя как принцессу, могу унизить как рабыню. Постараюсь найти твоего брата. Крепись. Прошлое слезами не вернешь. Я приду, когда стемнеет, — сказал он и вышел, гремя броней. Вечером стражники принесли мясо, айрак[28] в чайнике, изюм, зажгли каганец.

— Госпожа, наш нойон поужинает у Вас и останется ночевать. Вы угощайтесь айраком и изюмом, — стражник с поклоном вышел и вошел князь, блестя глазами. Амина очень четко видела этот блеск. Князь снял кальчугу. Под ней был тонкий хлопчатобумажный халат, за поя-

[28] Айрак (*монг.* айраг) — молочная водка.

сом кинжал, украшенный драгоценными камнями, сверкающими при свете каганца. Князь, блестя глазами, некоторое время сидел молча. Амина уставилась немигающими глазами на свет каганца и побледнела, как человек, пораженный тяжелым недугом. Сейчас ей было безразлично, что бы ни произошло. У нее не было сил сопротивляться, да и особого смысла она в этом не видела. Она была не более, чем живая плоть. У нее не осталось ни веры, ни надежды, ни сил. Весь мир окутал черный туман. Только сердце и душа рыдали навзрыд. Она тонула в бесчисленных муках и страданиях.

Князь некоторое время сидел молча. Потом медленно снял пояс, бросил кинжал в угол юрты, потушил пальцами огонь каганца.

Бумшур в то утро, заметив издали длинную вереницу каравана, оставил коня за невысоким холмом. Где пригнувшись, где ползком, добрался он до каравана и узнал свой скот. Начиналась открытая местность и приблизиться не было возможности. Он спрятался в зарослях караганы[29] и внимательно присмотрелся. Похоже, что большинство телег было их. Но глаза от пристального разглядывания устали. Он не мог рассмотреть, что за люди погоняют скот за караваном. Бумшур надеялся, что мать и сестра еще живы. Но не сомневался, что отец убит. Он понимал, что мужчин, оставшихся в живых, считанное число. Утром, когда он мчался сообщить нижним айлам о нападении, видел, как приближается вражеский отряд. Он спрятался и сумел убежать. Едва миновав пригорок, он увидел нападающих людей и горящие юрты. Бумшур вместе с десятком мужчин, успевших вооружиться и оседлать коня, бился до последнего. Когда их осталось только трое, спаслись бегством. У него кончились стрелы, осталась одна маленькая изогнутая сабля, но он с криком орудовал ею. Это был не крик, а рыдание. Времени осмыслить случившееся, не было. Нужно было убивать ради того, чтобы убить. Он никогда не думал, что так легко поражает человека острый меч. Все решали секунды — не успевал даже глазом моргнуть. Единственное, что чувствовал – столкновение твердой стали и мягкого тела, и старался ни о чем не думать. Казалось, что вся его жизнь вместилась в схватке. Он рыдал без слез, только из глаз сыпались искры, молодое сердце судорожно сжималось, все тело и даже сухожилия рук напряглись и стали похожи на железные мечи. Через какое-то время он услышал крик:

— Бумшур, мы закончили! Спасайся! — Он словно ждал этого. Пригнувшись к холке коня, быстрее ветра умчался в сторону горизонта. Сам, избежав смерти, он стал думать, как разыскать близких, оставшихся в живых. Он хотел спасти мать и сестру. «Еще придет время богатыря Бумшура», — думал бедняга. Но если остался сиротой, на кого надеяться, на кого опираться? Что могли сделать люди, даже во сне не предвидевшие случившееся? Халхаский нутак находится за тридевять земель. Никто не знал, что за люди принесли им смерть и страдания. Все было покрыто тьмой. Когда Бумшур наблюдал за телегами, ему показалось, что он узнал человека, который оторвался от каравана и направился в сторону того, кто молился на холме. Сперва он разглядел, что это женщина, потом узнал походку — это была Амина. Это точно она.

— Амиа, я здесь! — закричал он. Но он был слишком далеко, чтобы его можно было услышать. А даже если и услышит, что из этого? Попытается бежать, так стража нагонит и вернет. Сам он не успеет добраться до коня.

— Амиа! Мама! Я здесь! — кричал он. В это время за сестрой прискакали несколько всадников, было видно, как они увели ее. Бумшур, прячась за зарослями караганы, добрался до коня и, держась подальше, поскакал в направлении всадников. В сумерках подъехал к казарме на расстоянии полета стрелы. Еще засветло, он видел, как сестру ввели в юрту и поставили стражу из нескольких воинов. В юрту вошел человек и вышел. Бумшур догадался, что это военачальник. Он сжал рукоять меча и стиснул зубы.

— За тебя... отомщу, а там пусть погибну, — ему показалось, что смерть ничто в такое опасное время. Теперь он не колеблясь, готов был поразить врага.

Незаметно он подъехал ближе. Он знал, что не имеет права на слепое бешенство. Он дол-

[29] Караганы — монгольская ива.

жен рассчитать, куда шагнуть, куда прыгнуть. Нужно выждать, пока караул заснет. В ойратском лагере шум не стихал. Возбужденные добычей люди шумели всю ночь у костра, пили и ели. Веселые мужчины боролись, торговали конями, шутили, смеялись. Юрта, в которой заперли Амину, находилась как раз в центре лагеря. Бумшур подумал, что среди такой суматохи будет нетрудно пройти незамеченным. Но понимал, что спешить нельзя и всячески сдерживал себя. Только бы вызволить сестру, а потом вместе с ней — на коня и умчаться, как вихрь. Его прославленный быстроногий скакун под звездным небом насторожено прядал ушами, повернув голову в сторону войска.

С темнотой Бумшур стреножил коня и стал ждать, не сводя глаз с лагеря. Он не ел с самого утра, только и попил родниковой воды. От голода потекли слюни. Бумшур беспокоился, что и его конь страдает от жажды. Сейчас было ни до сна, ни до еды, но как долго они продержатся? Лишь к середине ночи в лагере затихло, потухли костры. Бумшур бесшумно, как кошка, подкрался ползком к юрте и, затаив дыхание, прислушался. Он услышал, как Амина изредка стонет, а тот ойратский нойон что-то повторяет. Бумшур, схватив меч, вскочил, но подумал: «Что делать в совершенно темной юрте? Вдруг зарублю собственную сестру? И как быть со стражниками?» Он решил выждать. Только бы рассвело. Тогда стражники обязательно заснут. Проберусь в юрту, отрублю ему голову и заберу Амину. Потом доберемся до коня и исчезнем, как стрела, выпущенная из лука. Бумшур все множество раз обдумал: как убить стражников, как отбросить полог, что делать, если проснется сестра, если тот человек не спит? Как убить его, спасти сестру и убежать на коне? Наступил рассвет. Бумшур напряг весь ум, чувства, слух, глаза. С рассветом стало проще. Двое из трех стражников возле юрты заснули. Было слышно, как кто-то из них храпит. Сестра видно не спит, иногда тихо стонет. Но спит или не спит насильник? Сейчас Бумшура не остановила бы даже смерть. Другого момента не будет.

— О, будда, помоги мне. О, Небо! Да поможет мне душа моего отца! Сестра моя! Амиа! Твой брат здесь!

— Бумшур, сжав меч, прыгнул к дверям юрты и убил двух охранявших юрту стражников. Третий, очевидно, не спал и приподнялся навстречу. Бумшур опустил на него меч. Падая, солдат успел хрипло вскрикнуть. Бумшур откинул дверной полог и вошел. Через тоно брезжил бледный рассвет. На хойморе кто-то приподнялся.

— Аа, — сказал он и пополз к стене. Бумшур подскочил и зарубил его. Человек захрипел и упал. «Вот тебе!» — и Бумшур еще несколько раз ударил его. Он чуть не кричал от радости.

— Амиа! Сестра! Я Бумшур! Бежим! Сестра была в полном замешательстве.

— Шурэ, братик! Что же будет? — сказала она дрожащим голосом и заплакала. Бумшур, накинув на сестру дэль, взял ее за руку. Раненый солдат за юртой кричал: «Мама, папа, спасите!». «Не до конца убил», — успел подумать Бумшур, и таща за собой сестру, добежал до коня. Посадив ее в седло, сам сел сзади. Он повернул коня в сторону чернеющих гор, до которых было около двадцати километров. В ойратском лагере поднялась тревога, кто-то кричал басом:

— Сбежали! Сбежали! Вон едет! Вон едет!

— Стражу убили! Князя убили! Услышав это, Бумшур ударил коня и сказал скакуну умоляющим голосом:

— Вывези нас с Аминой.

Они не успели еще далеко отъехать, как сзади послышался топот копыт. В ушах отдавался свист холодных железных стрел. Амина, крепко держась за седельную луку, глотала вихрь воздуха летящего коня. Она едва переводила дыхание, но чувствовала крепкие руки брата, обнявшие ее. Трудно сказать, сколько все это длилось. Трудно сказать, как добрались они до высоких гор. Горы кружились и качались в глазах. Вдруг, обнимавшие ее руки брата ослабли, и он будто что-то тихо сказал. Амина не сразу поняла, что произошло. Она решила остановить коня, но не успела потянуть за уздечку, как брат разжал руки и начал падать с коня. Она приостановила скакуна. Бумшур упал на землю. Амина, бросив повод, бросилась на землю. Она подползла к нему, обняла за голову и увидела, что в спине торчит стрела. Лицо Бумшура было бескровно бледное.

— Шурэ мой! Шурэ! Что с тобой! — всхлипывала она. Бумшур медленно открыл глаза:

— Амиа. Амь... Я умираю. Амь... Амиа, — он обмяк и последнее дыхание отлетело. Показались кричащие всадники. Отпущенный конь продолжал скакать и скрылся за холмом. Всадники, преследующие его, исчезли. Наступило безмолвие. Амина, обняв голову брата, долго рыдала. Утреннее солнце окрасило высокие скалы в красный цвет. Среди красных скал, летали величественные птицы с белыми крыльями. Горы были глухи и угрюмы. Амина почувствовала, что обнимает уже холодное тело, очнулась. Какое-то время она сидела и смотрела на брата. Затем осторожно вытащила стрелу, не трогая с места, камнями обложила труп. Пока собирала камни, прошла половина дня. В голове было пусто. «Все кончено, не стоит жить», — кружилась в голове мысль. Но как уйти из этого мира, где среди красной пыли летают птицы с белыми крыльями? Не суждено было лежать рядом с братом. Человеческая жизнь не кончается по собственной воле. Похоронив брата, она некоторое время сидела, охраняя могилу. Затем встала и побрела, не разбирая дороги. Она понимала, что нужно идти только в одну сторону. Исчезла красная пыль, исчезли белокрылые птицы. Остались только чернеющие скалы. Ноги вязли в густой серой пыли. Только сейчас, она заметила, что идет босая. Но продолжала идти. Подняться бы на вершину скалы, взлететь и парить, как те белокрылые птицы. Или умереть в этой серой пыли или стать белой птицей и раствориться в небе. Тогда ее душа прилетит на Золотой Ганжур[30] в Баруун Зуу и позовет Дзанабадзара. Но выйдет ли он? Обязательно. Надо взобраться на вершину горы. Но как сделать это босой? Вот бы стать птицей и полететь! И незачем душе встречаться с Дзанабадзаром. Сейчас самое хорошее — умереть.

— О, будда! Ниспошли мне смерть! Дай умереть, если ждут меня лишь одни страдания и муки. Но, не зная, как умереть, она все шла и шла. Черные скалы кончились, она спустилась к подножью. Внизу сверкало прозрачное голубое озеро. За озером раскинулась подернутая дымкой желто-зеленая степь. Вдруг, она подумала, что именно озеро избавит ее от страданий. Это озеро послал ей Будда и сказал: « Войди в это озеро и стань рыбой. Вместо того, чтобы летать, как птица, стань рыбой и навсегда растворись в этом озере». Амина побежала к озеру. «Иди сюда! Скорее иди сюда! Иди к моим рыбам! Это твое единственное спасение», — как будто звало ее озеро. Боясь, что кто-то удержит ее и не даст утонуть, она бежала со всей мочи. Упала на берегу и обняла тонкий мягкий тростник. Лицо обрызгало теплая вода. Во рту стало солоно. Полежав немного в теплой воде, затаив дыхание, она поползла вперед. «Мама, папа, братик, я иду к вам. Ваша Амина идет к вам. О, Будда, прости меня! Прости меня, Вселенная!»

Она поплыла в глубь озера и отдалась воле воды. Но тело сопротивлялось. Тогда она окунулась с головой и замерла, погрузившись в воду. Но вода вытолкнула ее. Она сделала еще попытку. Не получилось. Тогда она пошла глубже. Теплая вода, словно щепку, поднимала ее и ласково обнимало. Поверхность озера казалось зеленой. Не было ни одной птицы. «Тебе нельзя умирать! Ты не должна умереть, доченька», — послышался ей чей-то шепот. Мама? Отец? «Я не дам тебе умереть», — пело озеро. «Нет рыб, которые станут твоими друзьями. И птиц нет. Я — озеро позвало тебя окунуться в воду и образумиться. Отдохни, тебя ласкает моя теплая вода. Образумься! Зачем тебе умирать? Над тобой небо и в нем светит солнце». Амина лежала среди шепчущих теплых волн. Потом она поплыла к холму и вышла на зеленый солнечный луг. Она легла, уставившись вдаль. На горизонте показалось очертание верблюжьего каравана.

Прошел месяц, и Амина увидела с перевала Гола золотые ганчжуры на храмах Лхасы. Полуденное солнце, голубое небо, большие высокие горы. Она увидела в густой синей дымке многочисленные сверкающие ганчжуры на храмах. Сердце Амины радостно забилось.

[30] Золотой Ганжур (*монг.* Алтан Ганжур) — название традиционного буддийского праздника (молебна), во время которого священные тексты торжественно читаются и обносятся вокруг храма для защиты местности и ее жителей. Название праздника повторяет название священного собрания буддийских канонических текстов (слова Будды), рукописные страницы которого выполнены с использованием золота и серебра.

— О, страна спасения! Богдо-гэгэн мой! Прости меня, грешную, — и по ее похудавшему бледному лицу потекли слезы. Халхаские ламы-караванщики, ехавшие из Эрдэнэ Зуу в Барун Зуу, на перевале Гола устроили привал. Большому обо[31] на перевале они сотворили жертвоприношение. Амина искала, что бы положить на обо, и старик-караванщик, заботившийся о ней, как о родной дочери, дал кусочек засохшего сыра и креповый хадак.

— Доченька, поднеси это. Мы благополучно добрались до места.

— Почтенный старец! Я никогда не забуду того, что Вы сделали для меня, — сказала Амина и на ее глаза навернулись слезы. Она привязала хадак к высокой палке, на которой уже были привязаны конский волос, ткани, веревки и прочее. Сыр она положила на камни, сложила ладони и стала молиться. Перед закатом солнца халхаский караван, закончив свой трехмесячный путь, добрался до Барун Зуу, до Лхасы. Они разгрузились на месте, где обычно останавливаются караванщики из Халхи. Амина узнала от китайцев, что халхаский Богдо Джавдзандамба Ундур-гэгэн Дзанабадзар почти месяц назад отправился на родину.

— О, несчастная я! — только и сказала Амина. И уставилась красивыми черными глазами в землю.

Sengiin Erdene
DSANABADSAR
(translation from Mongolian, notes)

Regina V. Ivleva
Saint Petersburg State University

The publication continues the translation of Sengiin Erden's novel "Dzanabadzar," which is dedicated to the 17th century Mongolian Buddhist leader, the brilliant sculptor and artist, and the creator of the Soyombo script, who had a tremendous influence on Mongolian culture — Gombo Dorjiyn Danabazar. In the first chapter of the novel, the author introduces the reader to the young years of the main character, presents the main psychological traits of his character, and reveals the young man's feelings, experiences, hopes, and aspirations. The author pays great attention to recreating the historical and cultural traditions and the religious situation in Mongolia in the 17th century, creating a broad panorama to depict the subsequent events. In the second chapter, the novel's plot becomes more complex; it features intricate and unexpected twists and gripping moments. The narrative becomes more dynamic and dramatic. As in the first chapter, the author examines and analyses the historical context of the events in detail, immersing the reader in the social, cultural, and linguistic milieu.

Key words: modern Mongolian literature, Buddhism, Mongolia, Tibet, Lhasa, Buddhist visual arts.

About the author: **Regina V. Ivleva**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Faculty of Foreign languages, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (regina_i@list.ru).

[31] Обо (*монг.* овоо) — насыпь из камней, место поклонения местным духам-хозяевам местности.